

Павел Брычков

Прошения к Колчаку

В Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР) в фонде Совета министров Российского правительства Колчака (ф. 176) есть папка с надписью: «Дела прошений, оставленные без движений».

Здесь находятся просьбы, письма, рапорты, ходатайства и телеграммы, присланные в 1919 году на имя Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего Александра Васильевича Колчака, которые по разным причинам не были пропущены к нему директором канцелярии Верховного Правителя генерал-майором Мартяновым.

Документы эти интересны тем, что они касаются многих сторон жизни времен Гражданской войны: политики, положения на фронте и в тылу. И выражают, часто бесхитростно, взгляд простых людей, вовлеченных в эту великую для страны трагедию, на те или иные события. Вот как видятся, например, причины первых крупных поражений белой армии на фронте младшему офицеру действующей армии. Здесь и далее тексты приводим в орфографии подлинников.

«Офицер 14 Иртышск.

Сибирск. полка

прапорщик Степаненок

2 июля 1919

Я только что прибыл с позиции и решил объяснить Вам Ваше превосходительство причину 2 Карапатского отступления.

Наверное, Вам говорят начальствующие лица, что виноваты в этом солдаты нашей армии, а я скажу, что больше всего вина падает на наше высшее начальство (подчеркнуто автором письма. – П. Б.).

Командующий армией и командиры некоторых корпусов и дивизий, они слишком зазнались и безпечно вели, когда наступали мы, и оказали полную неопытность в трудную минуту.

Они знали отлично, что численность штыков в полках была в среднем от 600 до 800 и что полки занимали участки в среднем от 15 до 20 верст; резервов близко никаких не было, достаточно было разбить один полк, и фронт открывался, и чтобы немедленно исправить положения, не ослабляя другие участки, не было возможности; что и случилось в переживаемое время, результат на лицо.

Если бы все те полки, которые прислали на позицию во время отступления, были бы присланы во время, т. е., когда мы наступали или стояли на месте, этого отступления не случилось бы.

Можно было еще поправить положение, когда г. Сарапул начали эвакуировать. Ижевцы и воткинцы, видя, что им тоже угрожает, они просили Командующего Южной Группой дать им оружие и они будут защищать свои заводы, это были те самые люди, которые уже дрались наряду с нами против красных, их предложение в начале было отклонено.

Когда же красные взяли г. Сарапул и находились в 20 верстах от Ижевска, тогда командиры опомнились, и Козогранди делает воззвание к тем, кто предлагал свои услуги, но было поздно. Хотя ижевцы и откликнулись на воззвание, но их 2/3, забрав свое имущество, жен и детей, уже уехали из завода, и оставшимся тоже нужно было спасать семейство. Но все-таки они принялись формироваться...

Если бы их сформировать во время, когда их семейства сидели в своих родных холупах, была бы другая картина, и в них было бы больше желание защищать свое имущество.

Чтобы остановить противника и дать ему надлежащий отпор, нужно немедленно мобилизовать до 45 лет всех беженцев и купцов во всех городах, довольно им

спекулировать. Это будет более надежное войско, чем 20 летние сиб.(иряки), которые настроены, если не большевики, то безразлично. Большевики прекрасно внушили в деревнях, что воюют только бедные, а богатые, как и раньше, так и сейчас, под разными предложениями ловко отделяются от военной службы совсем или же великолепно устраиваются в разных тыловых или фронтовых штабах.

В деревне можно мобилизовать до 45 лет только уезды Пермский, Осинский, Верхотурский и Камышловский, где жители преимущественно на нашей стороне.

Есть много, что другое сообщить, но пока довольно, но в последствии я выскажу все.

Прапорщик Степаненок».

Что ж, в смелости и логике прапорщику трудно отказать. Кстати, вопрос о необходимости призыва имущих высказывался многими и, по-видимому, не без основания. Степаненок верно подметил один из главных козырей в агитации красных и нежелание молодых сибиряков воевать, вылившееся в дальнейшем в массовое дезертирство и укрывательство от мобилизации, за что следовали часто террористические меры. Так, один из немногих живых свидетелей Гражданской войны житель Горьковского района Омской области Егор Павлович Пикуль, 92 лет, рассказывал, как за его укрывательство от мобилизации нагрянувшие в деревню чехи так избили отца, что он вскоре умер, а мать лишилась зубов: чешский офицер, засунув в рот ей дуло револьвера, требовал указать, где сын...

Общеизвестно, что всякая война тяжким бременем ложится прежде всего на женщин и детей. Нам более или менее известны трудности быта времен Гражданской войны с одной стороны, а вот голоса с белой территории.

«Ваше Высокопревосходительство! Извините, что осмелилась обратиться к вам с просьбой **о помощи** (подчеркнуто дважды. — П. Б.). Вам мой поступок может показаться смешным, глупым, но еще раз прошу, извините меня: я не имею ни родных, ни знакомых, которые могли бы помочь мне, и не имею ни сил, ни средств для борьбы с обстоятельствами, поставившими меня в такое положение, из которого я всеми силами хочу, но не могу вырваться. Мне даже не с кем посоветоваться, я никого не знаю, а Вас я знаю: так как Вас знает вся Россия.

Я читала в газете Вашу речь и почувствовала, что после моего отца, я больше всех люблю и уважаю Вас, у меня явилась мысль обратиться к Вам так, как я обратилась бы к отцу, и явилась надежда на то, что Вы меня услышите.

Я девушка. Мне семнадцать лет, окончила семь классов гимназии. Шесть лет училась в Томской Мариинской гимназии и один, прошлый год, в Московской частной гимназии...

Весной я была переведена в восьмой класс, но уехала из Москвы, не дождавшись выдачи сведений, потому что занятия окончились перед Пасхой, а выдача была назначена после Пасхи. Нужно было прожить праздник в Москве, а каждая прожитая там неделя стоит очень дорого. Сведения я поручила получить моему отцу, который служил главным бухгалтером в Совете Съезда углепромышленников Средней России. После отъезда из Москвы никаких известий мы от него не получали. Где он теперь, что с ним, не знаю; о Петрограде, Москве и о всей Советской России пишут такие ужасы: волосы поднимаются на голове, когда подумаешь, что он там. В настоящее время я живу на Урале в Оренбургской области, в 60 верстах от станции Миасс Самаро-Златоустовской ж.-д. с матерью и четырьмя братьями, из которых старшему 12 лет, меньшему четыре. Старший в прошлом году также учился в Москве во втором классе коммерческого училища, теперь он служит талонщиком на мельнице.

Только благодаря его работе мы имеем возможность существовать: жалование он получает шестьдесят рублей, но имеет право пользоваться «бусом». Бус – это смесь муки, отрубей и пыли, которая покрывает на мельнице пол, стены машины, одежду служащих. В

некоторых местах, например, у рассева, бус скопятся в больших количествах. Просеянный, он годен для употребления...»

Далее автор письма пишет, что сейчас на мельнице работы мало, что сама она найти работу не может, и просит дать дело, способствующее освобождению Родины и ее отца или разрешить проезд от ст. Миасс до Томска, где она надеется найти работу. Заканчивается письмо призывом с нотками отчаяния:

«Услышьте мою просьбу! Я так хочу работать, хочу учиться. Занимаясь летом, я, может быть, смогу вернуть потерянную зиму, кроме того, моя часть «буса» останется братьям.

Извините и услышьте мою просьбу.

Мой адрес – почтовый: Полянское почтовое отделение

Оренбургской губернии

Юлии Ивановне Соломиной,

Телеграфный; Миасс почт. Поляковка Соломиной.

Преданная Вам всей душой

Юлия Соломина».

В городе же трудности были не только с продовольствием. Так, 2 октября 1919 г. Анна Михайловна Лобейко, проживавшая в г. Омске по улице Степной, в д. 85, подала прошение, в котором пишет, что муж ее 2 года добровольно в армии, а она живет с двумя детьми учебного возраста и просит дров 1 сажень, так как «на базаре привезут один-два возжика, то их берут по 1200 руб. за воз сбою».

А вот еще прошение на эту же тему.

«Господину Верховному Правителю – Вождь России.

Вдовы учителя СПб гимназии

Александра Григорьевна Канторская

(Беженка из гор. Перми)

Убедительнейшая просьба

Имею честь покорнейше умолять вас, Г. Верховный Правитель – Вождь России, не оставьте мою просьбу без внимания. Благодаря большевикам я **осталась нищей** (подчеркнуто подательницей. – П. Б.), отобрали от меня все, что имела, даже деньги, которые я берегла много лет своим родным племянникам. Пять раз этими же хулиганами была арестована, сидела за решеткой, через два дня получала кусок черствого хлеба и кружку воды, а издевательство сколько было, одному Богу известно. Ведь я пожилая дама и все-таки делали надо мною, что хотели. Я никак не могу простить этим подлецам, где только я узнаю, где коммунист, то немедленно же их выдаю Г-ну полковнику Злобину в Гл. Штаб. Этих подлецов надо истреблять, они ведь нас не жалели. Зимой в Перми ходила босой, галоши были очень плохие, а большевики, т. е. наш квартальный, не выдавал только потому, что я не состояла их партии и поэтому службу не получила; неоднократно хулиганы говорили мне, чтобы я присоединилась к их партии, тогда я от них все получу, но я твердо стояла на своем. Те, которые служили у них, конечно, принадлежали к ихней партии, то им все было доставлено. И таких хулиганов 2-хличных много.

Теперь умоляю Вас, Господин Верховный Правитель – Вождь России, может через Вас получу что-нибудь на пальто, хоть старенькую солдатскую шинель, а то уже наступают холода, а средств нет. Служу в городской управе с 1-го числа на жалованье 400 р. Но на эти деньги не могу себе купить пальто, а мне же надо заплатить хозяевам, где живу, меньше 300 руб. в мес. никто не берет. Будь казенная комната для меня, то это было бы счастье для меня. Надо муфту, перчатки, галоши, чулки и теплый платок, а на это жалованье не купишь, все дорого.

У меня шуба была дорогая, теперь большевичка какая-нибудь носит, они отняли шубу от меня, я их всегда проклинаяю.

23/10 августа 1919 года

Атаманский хутор, Телятниковская ул., дом Мясникова, кв. Оглы.

Теперь только надежда на Вас, Г. Верховный Правитель – Вождь России».

Но, кроме забот о хлебе насущном, у людей и в то трудное время были другие интересы. Приводим несколько любопытных, на наш взгляд, прошений.

«Верховному Правителю Адмиралу Г-ну Колчаку

Имею честь покорнейше просить вас принять настоящий гимн моего сочинения, если пригодится, на конкурс. Х. Досович. Адрес мой: Стретенск. набер., д. Орликова.

17 июля 1919

Гимн

Наших офицеров и солдат мы восхваляем,
И дорогую нашу родину освобождаем.
Ведь большевизм мы прочь уничтожаем
И мы народный гимн петь начинаем.
Да здравствуют наши офицеры и солдаты.
Разгоняя врага, уничтожаем его прочь,
За славу, за родину нашу, ребята,
Мы выполняем нашу службу день и ночь...»

Избавляем читателя от полного текста гимна. Очевидно и так: у автора есть желание, но нет способностей. И безжалостный синий карандаш Мартянова вполне справедливо начертал: «К д.<елам> Не пригоден».

«Его Превосходительству Верховному Правителю

Состоящего в резерве чинов

округа офицеров для поручений

по реквизиции помещений

поручика артиллерии

Николая Григорьевича Левицкого,

жительства в г. Омске по Кирпичной улице

в доме № 16

Прошение

Я прекрасно езжу верхом на лошади и известен Вам как преданный Вашему Высокопревосходительству человек. Посему всепокорнейше прошу, не признаете ли возможным назначить меня в личную охрану Вашего Высокопревосходительства, при этом присовокупляю, что я меткий стрелок.

20 сентября истинного

стиля 1919 г.»

Не получив ответа, настырный поручик Левицкий через неделю, 27 сентября, подает повторное прошение, на этот раз, правда, по-другому поводу. Он пишет, что газета «Сибирская речь» опозорила его имя и просит аудиенции у Верховного Правителя, чтобы объясниться. Не удалось пока выяснить, как опозорила газета поручика, и не повод ли это, добившись приема у Колчака, получить удовлетворение по первому прошению.

А рядом с этим ходатайство другого свойства. Подано оно в канцелярию младшим унтер-офицером Тимофеем Дорошуком. Он просит поощрить полковника (!) Дмитрия Ивановича Вержейского, который еще в 1918 году сколотил в Челябинске отряд и успешно действовал против красных. Усмотрев редкое нарушение армейской субординации, генерал-майор Мартянов наложил на прошение резолюцию: «Ввиду трудности разыскания недисциплинированного ходатая, прошение к делам.»

Даже в то страшное время не угасала изобретательская мысль, о чем свидетельствует следующее прошение.

«Его Величеству Верховному Правителю

Паровозный машинист
депо Омск, эвакуированный
из депо Уфалей,
Нельзин Иван Павлович
Прошение

Честь имею покорнейше просить Вас, Ваше Величество, не найдете ли возможным предоставить мне возможность делать самоработающий механизм, который должен вращаться без посторонней силы. Прозьба, Ваше Величество, касающаяся лишь Вас одних в секрете.

5/IX

Машинист Нельзин.»

Машинист Нельзин, очевидно, не знал о том, что Парижская Академия давно уже запретила рассматривать проекты вечных двигателей, но Мартьянов, похоже, знал, прошение осталось без движения.

Кто только и по каким поводам не обращался к Верховному Правителю. Вот письмо бойскаута Алексея Шилова из Бийска, который пишет, что хочет стать моряком и просит у Адмирала совета, как это сделать. Вот прошение баптистов Акмолинска об освобождении от службы, так как поднятие против человека оружия грех. В подтверждение этого приводятся ссылки на библейские и евангельские тексты. Тут и телеграммы с ходатайством о пересмотре дела электротехника ст. Ишим Беляева Матвея, заключенного в тюрьму... Но о чем бы люди ни думали, чем бы ни занимались, трагический раскол в стране пролегал между ними: соседями, сослуживцами, братьями... Раскол, до невиданного взаимозлобления. Упомянутый уже Егор Павлович Пикунь на вопрос, почему, на его взгляд, армия Колчака не победила, не задумываясь, ответил: «Не ту ноту взяли... Озлобился народ!». Причина, по всему, не из последних. Видится этот раскол и в рапорте, приводимом ниже и похожем больше на донос.

«Его Высокопревосходительству Адмиралу Колчаку

Почталиона почт. отд.

Поперечное, М. Н. Борковского

Рапорт

Имею честь донести Вашему Высокопревосходительству о Вашей борьбе с большевиками: тяжело и очень тяжело бороться с этой язвой, т. е. врагами рода человеческого, сколько страдания перенесла Наша Родина от их зла, но и еще не все, как видно.

Посмотришь, посмотришь на все это зло и удивляешься этому, чего им, этим разорителям, надо. Сказать на темный народ, который без образования, а больше всего грустно смотреть на тех людей, которые с образованием. Вот, например, начальник Попереченского почт. отд. Томской губ. Андрей Федорович Устюжанин, который оскверняет храм Божий. Духовенство и проч. святыни. Разве не стыдно, что еще, что человек с образованием и высказывает такие глупости на чехо-словаков, которые пришли на помощь Правительству, спасти Родину. Говорит, что пожирели и их нужно всех перебить. Смотря на офицеров и проч. военных лиц, увидя погоны, говорит, нужно прибить ему к плечам гвоздями.

При этом добавляю, что были телеграммы сделать сбор на нужды молодой армии, мной была взята у церковного сторожа кружка для сбора на нужды армии, то начальник мне не велел делать никакого сбора.

О Вышеизложенном доношу, что действительность и не подложность моей подписи могут свидетельствовать лица, проживающие за стеной Учреждения, в чем и подписуюсь.

почт. Борковский 9 сентября 1919 года».

На листах 16–17 Дела «прозба» беженца из Псковской губернии – 43-летнего крестьянина Филиппа Логиновича Крылова, в которой он рассказывает, как выколачивали

продотрядовцы хлеб, пишет, как комиссар порол его и хотел бросить в речку Кылгу, как вывернул кисть за то, что говорил о большевиках правду. (А легко ли говорить правду под дулом маузера, пусть поразмышляют «знатоки» русской души-рабы)... Несмотря на увечье, Крылов просит направить его в действующую армию. Обретенная же им правда, похоже, переполняет его, тревожит и он хочет поделиться ею с другими, прикладывая к прошению свои две статьи-размышления для газеты: «Обман Ленина» и «Обман Троцкого», в которых он считает, что после революции солдат разоружили специально, чтобы, когда придут в деревню забирать хлеб, не отбивались бы, что крестьян обманули, хлеб выманили и отобрали, обещая деньги, и не вернули ни зернышка, и денег не заплатили... Впрочем, слово автору.

«Обман Ленина

Друзья-крестьяне, вспомните декрет Ленина, когда он обманул рабочих городов Петрограда и Москвы и часть матросов города Кронштадта разными речами, что большевики войны не хотят, и что земля, лес, воды народу, а вот выслал своих агитаторов по волостям крестьянам. И начали оне собирать схотки. И вот, дорогие крестьяне, вспомните же теперь, что оне нам говорили, оне нам говорили, что временное Правительство что вам дало добраго, да ничего: все война, война до победного конца. А мы, большевики, войны не хотим, мы войну кончем, кончем вочтоба-то нистало. Вот тут надо было и обдуматься нам, как это кончем вочтоба-то нистало мы войну. А мы это, друзья-крестьяне, пропустили. И вот опять все-таки говорят: подумайте, товарищи, за что воюем, и к тому же, что немцы также крестьяне и рабочий народ, оне также наши братья, мы брат брата бьем, а буржуазы в стороне и наживают деньги. Мы кончем мир без анексий и контрибуций, на самоопределение народов, и земля, лес, вода – все народу. Так оне зделали землей на первом шагу своего обмана: оне ссорили крестьян и стали делить землю так, кто имел 15 десятин земли, а семейства 12 человек, ему никогда не хватало для своей семьи хлеба, а от него отбирали и давали, у кого совсем небыло или тому, у кого 3 десятины, а семейство 8 человек. И доходило до того во многих деревнях, что вспыхивали драки так, что кольями убивали друг друга насмерть, и вот, дорогие друзья-крестьяне, теперь и подумаем, что немцы были братья, ну скажем, что двоюродные. А теперь с кем же мы воюем? Теперь оне нас втянули год восемь месяцев в родную братоубийственную бойню. Советую, дорогие друзья-крестьяне, поднять свой мощный крестьянский кулак и крикнуть: долой большевиков, смерть большевикам!

Обман Троцкого

Вот посмотрим, милейшие друзья-крестьяне, поехал Троцкий в Бреслитовск на мирный договор, и чтоже оказалось с того мира? Оказалось то, что заключили мир с анексией и контрибуцией, а самоопределения народов там и не было. Анексии и контрибуции такие, что не только нам выплатить, так и тем не выплатить, которых сейчас на Божьем Свете нет, а когда они народятся, так им хватит платить. (...) И вот начали большевички хозяйничать, разграбать и уничтожать российское крестьянское богатство и отправлять братьям немцам...»

Что ж, довольно распространенный в то время взгляд на революцию и Брестский мир высказал в своих размышлениях крестьянин Крылов. Вот, для сравнения, сходные слова из «Послания Патриарха Тихона Совету Народных Комиссаров» 1918 года «От каких завоеваний могли отказаться вы, приведшие Россию к позорному миру, унижительные условия которого даже вы сами не решались обнародовать полностью? Вместо анексий и контрибуций великая наша Родина завоевана, умалена, расчленена, и в уплату наложенной на нее дани вы тайно вывозите в Германию не вами накопленное золото».

Не исключено, что Крылов читал Послание Патриарха, которое распространялось в Омске в это время Войсковым Осведомительным отделом Сибирского Казачьего войска, и написано оно не без его влияния, но очевиден и свой мужицкий взгляд на этот вопрос, по

крайней мере, в здравомыслии ему не откажешь. А вот еще из того же, 1918, года голос философа Н. Бердяева!: «Вся революция наша представляет бессовестный торг – торг народной душой и народным достоянием»

В скобках спросим, а что писалось бы в учебниках наших по истории по поводу Брестского мира, не случись революции в Германии. Правда – категория объективная. Какими глазами ни смотри на нее: крестьянина, Патриарха, философа, она одинаково правда. Ее можно исказить, но скрыть – никогда. И мы еще в начале ее обретения.

1990